

Конвейер триумфа преподнес

МОСКВИЧАМ КИНДЕРСЮРПРИЗ

Коммерсантъ - daily, - 1997, - 4 июля, - с. 10

Концерт Евгения Кисина в Большом зале консерватории

Приехав в Москву после пятилетней паузы, самый знаменитый из концертирующих российских пианистов получил присужденную ему премию «Триумф» за высшие достижения в области искусства и дал два концерта с одинаковой программой в Большом зале консерватории. Его визитом поклонники обязаны учредителям премии — независимому фонду «Триумф-ЛогоВАЗ» и лично министру культуры Евгению Сидорову, добившемуся детальной отсрочки музыканта от армии.

До того как стать главным вундеркиндом страны, Евгений Кисин успел родиться, поступить в гнесинскую десятилетку, обрести там бесменного педагога-сателлита Анну Павловну Кантор и, наконец, выступить в девятилетнем возрасте на сцене Всесоюзного дома композиторов с программой из собственных сочинений, сыгранных вперемежку с Шопеном. С этого момента дорога школьной звезды круто пошла вверх. Через год кудрявый пионер уже играл с оркестром в Большом зале консерватории фортепианные концерты Шопена, а еще через год познакомился с Гербертом фон Караяном.

Встреча, состоявшаяся на последнем году жизни великого маэстро, послужила восхождению тринадцатилетней достопримечательности на мировой Олимп в обход всех иерархических препятствий. Видеозаписи Первого концерта Чайковского в исполнении Кисина-Караяна, скупленная ведущими телекомпаниями, облетев мир, скрепила прошлое с будущим, растущее со зрелым, из ряда вон выходящее с великим.

С тех пор пианист записал десятки компакт-дисков, объездил полсвета с сольными программами, увеличив производственный показатель с сорока до шестидесяти концертов в год. Список партнеров, начатый Караяном, продолжили Клаудио Аббадо, Зубин Мета, Серджи Озава, Владимир Ашкенази и Джеймс Левайн. Последние пять лет Кисин живет в Нью-Йорке, где его делами занимается крупнейшая антрепренерская компания International Management Group (IMG), клиенты которой — звезды мировой величины, такие как Барбара Хендрикс, Хосе Каррерас.

Впрочем, публику, штурмовавшую Большой зал консерватории в эти дни, вряд ли интересовали этапы большого пути. Растратив силы в боях за дешевые билеты (по 20 тысяч), старушки еще до начала концерта падали прямо на лестничных маршах под ноги слушателям из корпуса VIP. Их более сильные современницы локтями отвоевывали ступени первого амфитеатра у подростков. В истерике обожания носилось бесконечное «жениакисин».

Концерт открыла Чакона Баха-Бузони. Эта коронная пьеса из репертуара великого Бенедетти Микеланджели в свое время произвела фурор на фестивале в Бергамо, где Кисина не отпускали со сцены более часа. В Москве она прозвучала столь же эффектно, сколь и манерно. Пианист зарекомендовал себя сознательным пленником эмоций. Локальные красоты, рожденные переходами от тончайших пианиссимо к гигантскому пафосу речитативов решительно заслонили от виртуоза целостную конструкцию. Сила органичного звучания, пластика динамических перепадов в спонтанном следовании порыву перевесили баховскую логику.

Все дальнейшие пункты программы, состоящей из остекленевших виртуозных хитов, подтвердили догадку о несоотнесенности его игры с требованиями «звездной» категории. «Фотоувеличение» романтических крайностей в шумановской «Крейслериане» тормозило лирику и взвинчивало порыв. На однообразной дистанции между prestissimo и largo, fortissimo и piano как бы забуксовал челнок ксерокса, выплывающего невнятные отпечатки романтизма вообще.

Более чистый оттиск «эмоционального стиля» дали Трансцендентные этюды Листа. Амплуа виртуоза, азарт вундеркинда, скорость головокружительных пассажей, наконец, предсказуемость программных названий — «Вечерние гармонии», «Метель», «Блуждающие огни» — стали идеальным материалом для виртуозных трафаретов, эпатажно усиленных густой педалью и техническим браком. На сплошных класстерах «Дикой охоты» рояльная струна лопнула, зал задымился восторгом.

Пять лет вынужденного лютфа пронесли как одно мгновение. Поднявшиеся на ноги москвичи овациями приветствовали победу квази-виртуозного стиля над интеллектуальным, спонтанности над расчетом, суммарного подобию Хейфецу и Горовицу над плодами индивидуальной эволюции. Для экспортного варианта русского пианизма глянец, наводимый экзальтированным «спортсменом с детства», оказался важнее школы, кстати, всегда создававшей приоритет virtu (художественного смысла) над виртуозностью. Одаренный от природы феноменальной памятью и сверхъестественной техникой, Евгений Кисин до сих пор с успехом эксплуатирует по сути одну и ту же схему, сводимую к банальной мечте ДМШ: играть не останавливаясь, чем быстрее, тем лучше, главное — разрушить барьер неточности апломбом артистического подъема. Весь этот блестящий и бессистемный технический скаб от гибели спасает только неиспаряемая харизма чудо-ребенка.

ИТАР-ТАСС
Сейчас Евгению Кисину двадцать пять лет

Путешествуя по миру без нот (умопомрачительная память!), Кисин под руководством влившейся в его семью первой и единственной учительницы включает в свои программы только то, что «в пальцах». Например, сейчас он учит Второй концерт Прокофьева, премьеры которого состоится в январе 1998 года. Такой метод не спасает мелкую пассажную технику с рекордными скоростными показателями от заболтанности. А перед бравурной аккордовой фактурой пианист иногда просто безоружен. Но именно недопустимое для звезды обилие погрешностей имеет свое обаяние и отчасти объясняет природу массового успеха. Любая заложенная в память пианиста пьеса начинается своей жизнью, появляясь в ореоле концертной необходимости неким дилетантским откровением — не идеальным, но совершенным, как джазовая песенка из уст «Последнего императора» в фильме Бертолуччи. Так проз-

вучал первый бис — Мазурка Шопена ля минор.

За всю свою лужинскую судьбу Кисин отыгрывается на бисах. И здесь он адекватен сам себе — столько же сюрприз, сколько и деспот, у которого публика с жадностью выторговывает публичные куски домашних удовольствий. В отличие от Бергамо, где их было четырнадцать, или от Нью-Йорка — там он играет не больше пяти, Москве досталось семь — на первом, и десять бисов — на втором концерте. Самый умопомрачительный из них стал «Музыкальный момент» Шуберта-Годовского. Самый фальшиво-актуальный — «Военный марш» Шуберта. Хотя адреса этого номера должны были прийти в восторг не только от батальных опытов с роялем. Освобожденный от того же, за что и награжден, Евгений Кисин своей карьерой продолжает доказывать приверженность уставу, не менее жесткому, чем воинский.

ЕЛЕНА ЧЕРЕМНЫХ